

Новые возможности в исследованиях коммуникативных ситуаций¹

Ананьева К.И., Харитонов А.Н.

Институт психологии РАН,

Центр экспериментальной психологии МГППУ

Интерес к проблеме общения, возникший в отечественной психологии на рубеже 70-80х гг. XX века в связи с работами Б.Ф.Ломова, Н.Н.Обозова, В.А.Кольцовой, В.Н.Носуленко, А.В.Беляевой, Е.С.Самойленко и ряда других, был связан, прежде всего, с изучением специфики протекания познавательных процессов в общении. Общение в этих исследованиях выступало как условие, как особая ситуация, в которой познавательные процессы у индивидов-участников общения протекают иначе, чем в другой особой ситуации – индивидуальной деятельности (см.: Ломов, 1975, 1981; Ломов, Беляева, Носуленко, 1985; Ломов, Беляева, Коул, 1988). В этих работах было показано, что общение существенно влияет на поиск полезной информации, динамику и конечный продукт переживаемых ощущений, запоминание и воспроизведение материала, формирование понимания и взаимопонимания, характер и протекание процессов воображения и мышления – другими словами, пронизывает все уровни познавательной сферы человека. Примерно из той же логики в этот период исходили и некоторые зарубежные исследователи общения – П. Гринфилд, М. Коул, Дж. Вертч, Р. Краусс и др. Тем самым как бы отдавалась дань исторической традиции психологии: исследовать психику индивида, одного человека, но в различных ситуациях.

Впрочем, уже тогда осознавалось качественное своеобразие ситуаций общения, а изучение феноменологии взаимного влияния индивидов в общении позволило выделить основные типы взаимодействия в таких ситуациях (Носуленко, 1978). Примечательно, что более поздние отечественные и зарубежные исследования по этой проблеме (вплоть до

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 08-06-00302а

настоящего времени) существенно новых результатов не дали: предложенная в работах В.Н.Носуленко типология сохранилась практически в неизменном виде, что свидетельствует в пользу ее фундаментальности.

Системные представления в исследованиях общения

С самого начала это направление опиралось на системные представления (Ломов, 1979, 1984), в рамках которых складывался коммуникативно-когнитивный подход: упомянутые исследования составили его эмпирическую основу. С точки зрения когнитивно-коммуникативного подхода общение и познание составляют единство, особую целостность, в которой общение играет роль основания когнитивных процессов (Ломов, 1979, 1981, 1984, 1991, 1996). Понимаемые как формы субъективного отражения действительности (Ломов, 1984), познавательные процессы в совокупности образуют познавательную сферу человека. Она представляет собой многомерное иерархически организованное развивающееся целое, функциональные компоненты которого имеют общий корень и онтологически неразделимы. Благодаря познавательной сфере осуществляется ориентация живого организма в среде и регуляция его активности. Когнитивные процессы детерминированы системно и сами участвуют в детерминации социальных и биологических и многих других процессов. Одним из таковых является коммуникативный процесс. Нетождественность когнитивных позиций, познавательного отношения к объекту (и/или субъекту-другому) у двух или более индивидов сама служит одним из условий возникновения коммуникативной ситуации (Харитонов, 1981; Беляева, Харитонов, 1981). В этом смысле познание выступает одним из оснований общения: перцептивные, мнемические, речевые, мыслительные и другие познавательные процессы инициируют и, по мере развития, направляют и регулируют процесс общения, постоянно переопределяя его и, с другой стороны, оказываясь связанными с ним как со своим основанием. Такое чередование ролей познания и общения в конкретном

коммуникативном процессе свидетельствует о том, что они связаны не причинно-следственными, а системными отношениями. Соответственно, любая коммуникативная ситуация является одновременно и когнитивной, равно как и коммуникативный процесс – когнитивно-коммуникативным.

Когнитивно-коммуникативная версия онтологического подхода

Дальнейшее развитие данного направления системных исследований психики привело к появлению онтологического подхода (Барабанщиков, 2002, Барабанщиков, Носуленко, 2004). Согласно В.А.Барабанщикову, история психологической науки во многом выступает как история поиска альтернатив атомистической, по существу асистемной, точке зрения на природу психики редуccionизму как следствию такого подхода (Барабанщиков, 2002). Равно ограниченными выглядит как подход, направленный на разбиение сложного целого на составляющие (отдельное ощущение, реакция), так и синтез единиц, в которых ухватывается свойство целого (действие, гештальт). В основе обоих подходов лежит известная абсолютизации гносеологического отношения объект-образ. Онтологический подход включает это отношение в более широкий жизненный контекст. Психический процесс представляется как фрагмент бытия человека, реализующего единство внешних и внутренних условий своего существования. Исходным оказывается не объект-вещь и его отражение сложившимся субъектом, а взаимоотношения человека с миром, в которых порождаются и субъекты и объект-ситуация.

Ключевыми понятиями онтологического подхода становятся «событие» и «ситуация», а акцент исследований с анализа деятельности субъекта в среде переносится на вскрытие характера и интерпретацию репрезентированности субъекту среды (ситуации) и/или другого субъекта (предмет, способ, качества и т.д.), а также собственной активности. Отсюда – такие понятия, как «объект-ситуация» (Барабанщиков) и «воспринимаемое качество» (Носуленко), в которых ухватываются наиболее разработанная на

сегодняшний день феноменология. Результаты такого анализа в когнитивно-коммуникативном варианте подхода соотносятся с характером и способами взаимодействия в рамках конкретного события. Понятие «событие» характеризует локальное структурирование бытия в сжатые промежутки времени («здесь и сейчас»). Событие - это встреча, столкновение разных, ранее отдельных, начал – их совместное бытие, в котором рождаются новые структуры, отношения или порядок вещей. События сложно детерминированы, они включены в цепочку других событий, они способны переходить друг в друга, взаимодействовать, образовывать комплексы, разрушать другие события. Развертываясь в настоящем, событие связано с прошлым и с будущим. (Барабанщиков, 2002). Событийный строй характеризует развитие коммуникативной ситуации, которая, в свою очередь, определяется сложным взаимодействием множества детерминант. В их числе – когнитивные процессы участников общения и образуемые ими структуры, попеременно выполняющие функции причин и следствий, внешних и внутренних условий, предпосылок и опосредующих звеньев, развивающиеся асинхронно и синхронно, часто онтологически нераздельно, имеющие как одинаковые, так и различные характеристики у разных участников общения.

Перспективы анализа коммуникативных ситуаций связываются нами с возможностью идентифицировать и охарактеризовать систему таких детерминант для каждого конкретного коммуникативного события и сопоставить им целостные когнитивные образования – структуры, образующиеся в ходе таких событий. Соответственно, акцент в коммуникативных исследованиях переносится с выявления отдельных переменных и их влияния на характер познавательных процессов на выявление динамической структуры детерминант (средовых, интерактивных, имедженарных, диспозиционных и др.), порождающей сопряженные познавательные процессы и характеризующей их генезис, текущее состояние и результаты. Таким образом, одним из основных методологических

требований к процедуре исследования, становится способность экспериментальной ситуации к порождению исследуемой феноменологии.

Переопосредствование в структуре общения

Одним из ярких и до некоторой степени неожиданных результатов исследований 70-80х гг. явилось обнаружение того факта, что для коммуникативного процесса характерно возникновение специфических образований, особых надындивидуальных (или межсубъектных, общих) психологических структур, служащих для регуляции и деятельности и взаимодействия, выступающих в качестве основания и предмета протекающих в общении познавательных процессов, а также в качестве источника информации для общающихся. В зависимости от конкретной ситуации, характера задач, решаемых испытуемыми, а также от изучаемых психических процессов, эти образования получили наименования «общего фонда», «опорного образа», «опорного референта», «референтной точки зрения», «референта сравнения» и ряд других (Ломов, Обозов, Верч, Беляева, Самойленко, Харитонов).

Рассмотренный в качестве процесса, возникающего в случае, когда общение так или иначе затруднено, когда поиск решения задачи осложнен или заходит в тупик, феномен формирования таких структур был идентифицирован М. Коулом (Griffin, Cole et al., 1986) и одним из авторов данной работы (Харитонов, 1988) как «переопосредствование».

При этом тогда имелось в виду, что коммуникативная ситуация со стороны участвующих в ней индивидов опосредуется знаком в орудийной функции, т.е. знак служит специфическим инструментом психической регуляции (Выготский). Однако разнообразие коммуникативных ситуаций, предметов общения и решаемых в ходе взаимодействия задач практически неисчерпаемо – во всяком случае, оно многократно превосходит количество знаков любой мыслимой знаковой системы. Большая часть коммуникативных ситуаций требует опосредствования не одним знаком, а целой их комбинацией. Комбинация знаков дает такую комбинацию

значений, которая может быть интерпретирована, а, следовательно, и может опосредовать ситуацию, единственным способом. В том же случае, когда общепринятых знаков и способов их комбинирования для решения задачи в конкретной ситуации недостаточно, средством общения выступает формируемое участниками совместно *ad hoc* образование – это и есть переопосредствование. Данное (назовем его «узкое») понимание этого феномена и позволило М. Коулу и М. Гриффин описать в терминах переопосредствования процесс корректирующего обучения чтению (1988), а автору – понимание в диалоге в особых условиях общения (1988).

Исходная парадигма рассматривает общение как совокупность условий, в которых протекает взаимодействие (совместная деятельность) индивидов. При этом и партнер по общению рассматриваются как хотя и особый, выделенный, но все же внешний по отношению к изучаемому индивиду компонент его окружения и в конечном итоге как условие его деятельности, в данном случае имеющей распределенный характер. Деятельность индивида в общении характеризуется его целями, мотивами, а также способами и средствами, используемыми для достижения целей и решения задач. Характер общения описывается в терминах его эффективности (по отношению к совместно решаемой задаче), а также раскрывается в его качественных, структурных и динамических характеристиках. Рассмотрение общения как межличностного взаимодействия позволяет описать его верхние уровни, а выявление специфики протекания психических процессов в общении (например, обнаружение их синхронизации, согласования или рассогласования) – его базовые уровни. Основными исследовательскими приемами для данной парадигмы выступают сравнительное изучение психических процессов в общении и индивидуальной деятельности, сравнение разных форм взаимодействия в общении и структурно-динамических характеристик общения в разных коммуникативных ситуациях.

Будучи весьма продуктивной в рамках исходных предположений о

характере изучаемых явлений, формулируемых на языке существовавших тогда исходных версий системного и деятельностного подходов к исследованию психики, эта парадигма способствовала проявлению и, соответственно, обнаружению феномена переопосредствования, но, однако, исходно не предписывала, не предсказывала таких проявлений, не требовала их специального анализа. По отношению к теории эпизоды переопосредствования представляли собой скорее обнаруженные в ходе эксперимента факты типа «побочного продукта», нежели подтвержденные теоретические предсказания или эмпирически проверяемые следствия. Такого рода факты, коль скоро ставится вопрос об их специальном изучении, обычно сигнализируют о потребности построения новой исследовательской процедуры, нового подхода.

В качестве отправного момента анализа, имеющего целью обосновать и обрисовать контуры такой процедуры, рассмотрим сначала структуру и характер явления переопосредствования в том виде, как оно себя обнаруживает в коммуникативных ситуациях, а также попробуем в общих чертах оценить распространенность этого феномена и его значение для участников коммуникативного взаимодействия. При этом – как в связи с новыми теоретическими и методологическими возможностями, так и в целях сохранения теоретической и исторической преемственности – мы будем придерживаться рамок онтологического подхода.

Одним из реализовано эмпирическое исследование понимания в диалогическом взаимодействии, целью которого было выявление способов выделения структурных единиц описываемого одним испытуемым и идентифицируемого другим объекта, а предметом исследования – тип и характер используемых языковых единиц и их референции (Харитонов, 1985, 1988). Это исследование опиралось на процедуру, которую успешно использовали в то время и другие исследователи общения (Гринфилд, Самойленко, Краусс): двое испытуемых отделялись друг от друга непроницаемым экраном, и им ставилась задача, решить которую было

возможно путем обмена информацией. В рассматриваемом исследовании испытуемым предлагался совершенно аналогичный набор субъективно схожих изображений, представлявших собой расплывчатое цветное пятно, внутри которого помещались меньшие по размеру пятна. Затем одному из участников указывали на одно из этих изображений и предлагали совместно определить, имеется ли такое же изображение в наборе другого испытуемого. Поскольку испытуемые были отделены один от другого экраном, у них не было возможности просто указать друг другу на конкретное изображение. Взаимное расположение карточек с изображениями перед каждым из испытуемых было случайным, и испытуемые об этом знали. Поэтому единственным способом решения задачи была идентификация объекта по словесному описанию.

В принципе предлагавшаяся испытуемым задача имеет решение «монологического» характера: это могло бы произойти в том случае, если участник, которому указано на тест-изображение, построил его словесное описание настолько «удачно», что его партнер оказывается в состоянии идентифицировать в своем наборе искомый объект, не задавая никаких вопросов и вообще не произнося ни единого слова. Однако в данном исследовании ни в одной из проб с участием разных испытуемых «монологического» решения задачи не наблюдалось. Напротив, и второй испытуемый (партнер того, кому тест-объект был указан экспериментатором), как правило, проявлял достаточно высокую речевую активность – особенно в тех случаях, когда участники достаточно долго не могли решить поставленную задачу, либо когда выбранная испытуемыми стратегия не приводила к решению задачи, и им приходилось искать новый способ описания объекта. Именно в случаях обнаружения испытуемыми неэффективности избранной стратегии решения задачи феноменология переопосредствования проявилась наиболее полно. Остановимся на этих случаях более подробно.

В упомянутом исследовании для обозначения объекта, который не

виден одному из партнеров по общению, испытуемые строят особый конструкт, который и описывают как если бы это был искомый объект. В ранних публикациях автора такой конструкт назван «референт сравнения»: при этом имелось в виду, что испытуемые сравнивают введенный ими конструкт с искомым объектом и что данный конструкт отсылает к объекту, не являясь им самим, т.е. выполняет по отношению к нему функцию референции. Добавим также, что в данной ситуации эта структура выполняет функцию замещения, выступая для партнеров по общению как объект-заместитель искомого.

Далее диалог развивается в сторону уточнения конкретных качеств объекта (через приписывание этих качеств объекту-заместителю), причем, вводимые в описание качества носят характер отличительных признаков. Переломным моментом диалога служит обнаружение одним из испытуемых невозможности соотнести введенный конструкт с искомым объектом, обозначенное нами как установление «неприемлемости референта». С этого момента происходит поиск нового «референта сравнения», завершающийся построением нового, «приемлемого» конструкта, на основе которого в итоге осуществляется идентификация искомого объекта.

Таким образом, переопосредствование как процесс проходит следующие фазы: обнаружение неэффективности («неприемлемости») введенного для отсылки к объекту замещающего конструкта, поиск и построение нового конструкта, установление референции этого конструкта к конкретному объекту, идентификация объекта – соотнесение замещающего конструкта с реальными прототипами и определение искомого объекта. Последняя фаза иногда дополняется еще одной, «контрольной», которую можно охарактеризовать как определение правильности (единственности) найденного решения, либо как сравнение искомого объекта с другими, похожими на него, – с той же целью. В исследовании было отмечено, что в этих случаях осуществлялось как семантическое, смысловое переопосредствование, так и переопосредствование за счет изменения

характера референции, за счет задания другой отсылки к объекту или ситуации в целом. Были отмечены также две существенные черты вновь вводимых опосредующих вербальных конструктов: они как бы задают «направляющие» для построения нового психического образа объекта, отсылают партнера по общению к другой области жизненного опыта.

Изучение литературных источников с точки зрения выделенных структурно-динамических признаков процесса переопосредствования позволило определить, что он имеет весьма широкое распространение, хотя и описан под другими наименованиями и отмечался не только в коммуникативных ситуациях. Переопосредствование проявляющееся в процессе обучения, как правило, описывается как дополнительное или альтернативное объяснение, и лишь в редких случаях авторы обращают внимание более общую природу таких эпизодов (например, в упомянутой работе Коула и Гриффин).

Менее изученной оказалась другая феноменология общения, как связанная, так и не связанная с переопосредствованием: приемлемость/неприемлемость возникающих в общении устойчивых когнитивных структур в целом и способа задания элементов ситуации и действий, явления отсутствия речевого выражения существенных для успешного общения элементов ситуации («разговорное подразумеваемое», «с полуслова» понимание) и многие другие составляющие когнитивно-коммуникативного процесса. Среди малоизученных явлений оказались антиципация и способы согласования когнитивной активности, о чем речь шла еще в пионерских работах Б.Ф. Ломова по данной тематике.

Представляется, что основным препятствием, вставшим на пути таких исследований, оказались методологические ограничения. Все разнообразие методов экспериментального исследования общения, огрубляя, можно свести к двум типам: сравнительное изучение когнитивных процессов в общении и в индивидуальной деятельности (в этом русле выполнено подавляющее большинство работ раннего периода) и попытки исследования успешности

общения в зависимости от собственно коммуникативной феноменологии – ситуации и способа общения, его структуры и организации, порождаемых структур, используемых языковых и внеязыковых средств и т.д. И если в первом случае ограничения по большей части связаны лишь с характером решаемой испытуемыми задачи (которая должна быть одной и той же, коль скоро проводится сравнение), то во втором имеется принципиальная трудность фиксации и сбора данных о характере протекания познавательных процессов в динамично изменяющейся коммуникативной ситуации.

Так, например, во многих исследованиях в качестве экспериментальной используется задача совместного поиска объекта, или идентификации предмета по его изображению. До недавнего прошлого имеющиеся в распоряжении исследователей стационарные установки не позволяли производить регистрацию направления взора в свободном поведении испытуемого – очевидный методический прием для получения дополнительной информации о характере зрительного поиска. Более того, при попытке использовать в эксперименте говорящего испытуемого сбивается калибровка прибора, что вырастает в отдельную техническую проблему.

Прототип процедуры для исследования коммуникативных ситуаций

С появлением новых аппаратно-программных средств регистрации внешних проявлений познавательной активности в реальном режиме времени мы связываем еще одну перспективу анализа коммуникативной ситуации: а именно, сближение процедуры лабораторного эксперимента с реальными способами жизнедеятельности человека в экологическом, социо-культурном и техническом отношениях, в частности, с появлением новых коммуникационных технологий.

В разработанном нами прототипе аппаратно-программного комплекса для исследования коммуникативных ситуаций разных типов использованы мобильные (носимые) установки регистрации оculoмоторной активности

HEE и Toraz. Эти устройства аналогичны стационарным установкам, построенным на принципе регистрации смещений роговичного блика, которые используются в исследованиях зрительного восприятия. В таких исследованиях перемещения центра зрачка относительно блика, создаваемого инфракрасной подсветкой глаза, в каждый конкретный момент (частота опроса не менее 200 Гц для мобильных и 1000 Гц и выше для стационарных систем, при точности регистрации $0,5^\circ$) регистрируются системой и отображаются как точка, на которую направлен взор испытуемого. Программа обеспечивает наложение точки на динамическую картину, регистрируемую видеокамерой прибора, который фиксируется на голове испытуемого. Таким образом, на выходе имеется видеозапись происходящего непосредственно перед испытуемым с перемещающейся по изображению меткой, обозначающей направление взора. Программное обеспечение позволяет выделить саккады и фиксации. По отдельному каналу регистрируется речь испытуемых, которая синхронизируется с видеоизображением – в остальном организация эксперимента аналогична описанной выше. Испытуемые пространственно разделены, но имеют возможность общаться по голосовому каналу связи (в реализованном прототипе они находятся в одном помещении, но разделены непроницаемым экраном). Экспериментальная задача варьируется с сохранением общего принципа, предполагающего поиск совместного решения.

В одной из проб испытуемым, предлагалось раскрасить вырезанные из бумаги силуэты в виде варежки, таким образом, чтобы после выполнения задания закрасенные ими половинки могли быть сложены в целую варежку и рисунок на обеих половинках был симметричным (ситуация из методики Г.А. Цукерман).

Предварительный анализ полученных в эксперименте материалов показал, что данная процедура дает возможность получить и фиксировать богатую феноменологию общения, включая как описанные ранее, так и некоторые новые явления. В частности, интересными нам представляются

следующие эпизоды.

- (1) За 0,5 сек. до начала очередной реплики у испытуемой Н. зафиксирована саккада вертикально вдоль края варежки, «отсекающая» большой палец, после чего последовала реплика:
- Н.: «Давай проведем черту... там, где большой палец соединяется с другими... чтобы отделить». (Проводит черту по пути саккады)
- О.: (Проводит черту примерно так же)

Этот эпизод предположительно свидетельствует о том, что при побуждении партнера к действию существует возможность регистрации внешнего проявления антиципации, в данном случае, коммуникативной трансакции. Изучение этого и сходных эпизодов представляется тем более интересным, что не существует надежного способа дифференциации фиксационной саккады и, скажем, экспресс-саккады (Барабанщиков, 1997) – а в данном случае может иметь место еще и прослеживание, точнее его своеобразный аналог («мысленное прослеживание»), на окулomotorном уровне выразившееся в саккаде, предшествующей реплике испытуемой Н.

- (2) (Испытуемая Х. предложила способ закраски большой варежки за несколько трансакций до данного эпизода; испытуемая С. работает с маленькой варежкой):
- С.: «Мы еще с размером не определились...»
- Х.: (Саккада в сторону двух других варежек, лежащих отдельно, затем фиксация на маленькой.) Далее следует реплика: «Я же сказала «на большой»! А ты что, на маленькой делала?...»

Здесь саккада у испытуемой Х. может свидетельствовать о понимании характера действий партнера, обнаружении рассогласования и его характера (в данном случае, речь идет о догадке, поскольку выбор мог быть остановлен

и на средней варежке). Реплика испытуемой С., при всей своей очевидности интенции побуждить партнера определиться с объектом, тем не менее вылилась в управление зрительным поиском.

(3) Было зафиксировано также несколько эпизодов саккад в сторону непроницаемого экрана и фиксаций примерно в области, где могло бы находиться лицо партнера при общении «лицом к лицу», что может свидетельствовать о переносе навыка непосредственного общения на экспериментальную ситуацию. Предварительные наблюдения показывают, что эти эпизоды могут характеризовать проявления неуверенности или затруднения.

Данная экспериментальная процедура может быть легко трансформирована для создания других экспериментальных коммуникативных ситуаций – от односторонней коммуникации, моделирующей, например, ситуацию управления, до ситуаций непосредственного «лицом к лицу» общения.

Литература.

Барабанщиков В.А. Окуломоторные структуры восприятия. М. 1997.

Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.

Барабанщиков В.А. (Ред.) Идея системности в современной психологии. М. 2005.

Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М. 2004.

Беляева А.В., Самойленко Е.С. Монолог и диалог в задачах вербализации образа // Психологические исследования познавательных процессов и личности. М. 1983. С. 106-121.

Беляева (Захарова) А.В., Харитонов А.Н. Об одной попытке построения теории языка и общения // Психол. журнал. 1981. Т. 2 № 2.

Коул М., Гриффин М. Социально-исторический подход к

- переопосредствованию // Познание и общение, М. 1988. С. 35-82.
- Краусс Р.Н. Общение и познание // Познание и общение, М. 1988. С. 81-94.
- Ломов Б.Ф. Категории общения и деятельности в психологии // Вопросы философии, № 8, 1979. С. 34-47.
- Ломов Б.Ф. (Ред.) Проблема общения в психологии. М. 1981.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. 1984.
- Ломов Б.Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. М. Педагогика. 1991.
- Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.-Воронеж. 1996.
- Ломов Б.Ф., Беляева А.В., Носуленко В.Н. Психологические исследования общения. М. Наука. 1985.
- Ломов Б.Ф., Беляева А.В., Коул М. (Ред.) Познание и общение. М. 1988.
- Носуленко В.Н. Психология слухового восприятия. М. 1988.
- Носуленко В.Н. Акустическая среда как среда коммуникации // Познание и общение, М. 1988. С. 126-134.
- Носуленко В.Н. Введение // Проблемы экологической психоакустики. М., ИП РАН, 1991.
- Самойленко Е.С. Операция сравнения при решении когнитивно-коммуникативных задач. Дисс. ...канд. психол. наук. М. 1986.
- Самойленко Е.С. О соотношении вербализации сходства и различия при решении когнитивно-коммуникативных задач // Познание и общение. М. 1988. С. 94-102.
- Харитонов А.Н. Диалогическое взаимодействие: некоторые аспекты проблемы понимания // Психологические аспекты повышения эффективности трудовой и учебно-воспитательной деятельности. Новосибирск, 1981. С. 25-26.
- Харитонов А.Н. Проблема понимания в диалоге. Роль компаративных элементов вербализуемого образа // Психические характеристики деятельности человека-оператора. Саратов, СГУ, 1985. С. 139 - 146.

Харитонов А.Н. Переопосредствование как аспект понимания в диалоге //
Познание и общение. М. 1988. С. 52-63.